

— Большой брат, большой брат! Скорее, помоги! — Неделю спустя, как только Шэнь Цину сняли шину с ноги и он, опираясь на костыли, учился ходить по палате, Сяо Гуан распахнул дверь и закричал ему.

— Сестра Ху Тао ушла домой ухаживать за ребенком. Доктору Ляну сейчас нужно делать операцию, не хватает ассистента. Иди скорее! — Сяо Гуан бежал впереди, проводя его до белой деревянной двери в конце коридора, и жестом показал Шэнь Цину войти.

Едва переступив порог, Шэнь Цина ошеломил густой запах крови. Он поспешил закрыть дверь, чтобы не напугать ребенка. У операционного стола, покрытого стерильной пленкой, высокий врач в очках стоял, умело зашивая рану на руке пациента. На медном подносе рядом лежало несколько блестящих пуль.

— Поддай мне кровоостанавливающий зажим с того подноса, — низко произнес врач. Шэнь Цин поспешно, опираясь на костыль, подал инструмент. Глядя, как врач ловко берет зажим, он буквально боялся смотреть на хлещущую кровь из плоти.

— Приложи лед к ране на его правой руке. Лед в ведерке.

Шэнь Цин в панике схватил полотенце, замоченное в дезинфицирующем растворе, завернул несколько кусочков льда и осторожно приложил к другой ране, уже обмотанной бинтами. Мужчина на операционном столе тихо застонал, на лбу выступил холодный пот. Он поднял глаза и с усмешкой посмотрел на Шэнь Цина:

— Лян Фэн, новый ученик-то симпатичный.

— Заткни свою пасть, — равнодушно бросил доктор Лян, грубо прижав ватный тампон к зашитой ране, отчего мужчина весь вздрогнул и взмолился:

— Ну ты же холостяк, вот и взял симпатичного ученика... Ай! Ай, я молчу! Черт возьми, ты что, хочешь защитить нитку мне прямо в кость?!

— Надень перчатки, убери вещи со стола, — Шэнь Цин не мог смотреть на операционный стол, когда слышал низкий голос врача. Он смутно вспомнил про договор на операционном столе, поспешно натянул свободные перчатки и сгрел окровавленные ватные тампоны и бинты в мусорное ведро. Мужчина на столе поднялся, пробормотал пару ругательств, потер голову и ушел.

Пятьдесят миллионов. Когда же я смогу их отдать? Шэнь Цин задумался о том контракте, и на него нахлынула депрессия. Он сидел на круглом табурете у операционного стола, хотел что-то сказать, но вдруг увидел, как врач стянул маску и приблизил свое лицо к его.

Это были глубокие, пронзительные глаза, затем — прямой нос и глубокие глазницы, сжатые губы-бантиком. Сквозь холодные линзы очков его взгляд был настолько острым, будто видел его насквозь. Шэнь Цин не ожидал, что под белой маской скрывается такое глубокое и мужественное лицо. Под этим взглядом у него загорелись уши. Он только собрался отвести взгляд, как грубо схватили его за подбородок.

— Я сниму с твоего лица бинты и швы.

Шэнь Цин беспомощно кивнул. Он закрыл глаза, почувствовав, как бинты с переносицы ловко сняли, затем — холодную влажность от протирания щек дезинфицирующим средством. Легкая боль от снятия швов заставила его губы задрожать, но это было терпимо.

— Покажу тебе кое-что. Думаю, ты, возможно, знаешь этого человека, — равнодушно произнес Лян Фэн, протягивая сложенную газету. Шэнь Цин взял ее. Пробежав глазами содержание, его пальцы задрожали, газета бесшумно упала на пол. Он поспешно потянулся, чтобы поднять, но хлынувшие слезы капнули прямо на газету. Он закрыл лицо руками, стиснув губы, сдерживаясь.

На газете, лежавшей на полу, была напечатана цветная фотография на первой полосе: Лу Цзиньян стоял у входа в старинную европейскую церковь, рядом с ним в белом свадебном платье была Шало Жуфэн. Они, близко беседуя и смеясь, были запечатлены фотографом в сладком моменте, когда смотрели друг на друга с улыбкой.

— Хочешь плакать — плачь, — Лян Фэн скрестил руки на груди, прислонившись к операционному столу.

Шэнь Цин редко плакал, но теперь он больше не мог сдерживать слезы. Подавляя звук, слезы скатывались по его локтям. За любовь следовала лютой ненависти. Он ненавидел лишь свое ничтожество. Именно из-за своего низкого происхождения, из-за того, что он не мог оказать Лу Цзиньяну никакой помощи в карьере, его отвергли. Он думал, что полюбил того человека, копил на билет все лето, купил серебряное кольцо, а в его глазах это ничего не стоило.

Впервые в нем зародилась черная мысль, о которой он никогда не задумывался за более чем двадцать лет жизни. Лу Цзиньян хочет устранить его как помеху. Лу Цзиньян хочет его смерти. Шало Жуфэн смотрела на него с презрением. Он ни за что не даст им добиться своего! Когда-нибудь, когда-нибудь он собственными руками уничтожит этого лицемера Лу Цзиньяна, растопчет всех, кто смотрел на него свысока!

— Не трать слезы понапрасну. Твое лицо стоит больших денег, — холодно донесся голос Лян Фэна. Шэнь Цин резко поднял голову, нахмурившись в недоумении:

— Чт... что?

— Посмотри в зеркало, — Лян Фэн указал ему в сторону умывальника. Шэнь Цин механически поднялся. С момента поступления в больницу он ни разу не смотрелся в зеркало. Что с его лицом?

Он уперся руками в края раковины и замер на месте, словно пораженный громом. Он еще мог узнать в отражении черты прежнего, знакомого лица, но это лицо, черты, принадлежавшие ему прежде, изменились. Более прямой, чем раньше, нос, ясные глаза, слегка заостренный, но не лишенный мужественности подбородок. Слегка длинные волосы небрежно собраны на затылке, открывая высокий лоб. Выглядело это не неряшливо, а с непринужденной, раскрепощенной красотой.

— Твое лицо было сильно повреждено, нос сломан. У меня не было фотографий, нельзя было восстановить твоё прежнее лицо. Поэтому я провел полную реконструктивно-пластическую операцию на лице, — Лян Фэн появился за его спиной в зеркале. Шэнь Цин почувствовал, как ладони того медленно легли поверх его рук, лежавших на раковине, не давая ему пошевелиться.

— Смотри на себя. Ты — жизнь, которую я вытащил с края смерти. Чудо, созданное моими собственными руками, — Лян Фэн, очаровательно наклонившись, приблизился к его уху, глядя на испуганное милое лицо в зеркале, и неспешно поднял уголки губ. — Ты должен мне пятьдесят миллионов за операцию. Не волнуйся, я не хочу тебя эксплуатировать. Я лишь хочу, чтобы ты работал на меня.

— ... Что ты хочешь, чтобы я делал? — Шэнь Цин почувствовал, как тот обнял его сзади. Его охватил ужас, он изо всех сил заставлял себя смотреть в глаза в зеркале.

— Разве ты не хочешь, чтобы он увидел, что и ты можешь подняться до его уровня, даже встать над ним? — улыбнулся Лян Фэн. — Я могу дать тебе все. Только подчиняйся моим указаниям, и ты не пожалеешь.

— Ты знаешь его... знаешь Лу Цзиньяна? — Шэнь Цин насторожился.

— Конечно, я знал его всегда, — Лян Фэн прищурился. В тот миг Шэнь Цин почувствовал, как высокое тело того слегка напряглось, но это было мгновенно. В следующий момент он ощутил, как Лян Фэн отпустил его.

— Отныне работай на меня, и я сделаю из тебя чудо, — Лян Фэн, скрестив руки, прислонился к стене позади него. Его глаза сверкали дерзким светом, будто он был законченным безумцем или высокомерным гением, кичащимся своим талантом. — Я сделаю тебя всемирно известным.

— Тебе нужна новая личность, новая жизнь.

Лян Фэн положил на стол новое удостоверение личности и папку с документами, откинулся в кресле и сказал Шэнь Цину:

— Считаю, что прежний ты умер. Теперь ты Лян Аньжань, мой двоюродный брат, который скоро поступит на первый курс Киноакадемии «Синхэ».

— Постой, постой! Но моя прежняя специальность была... — в панике возразил Шэнь Цин.

— Кого волнует, кем ты был раньше? — Лян Фэн слегка раздраженно произнес. — Это самый быстрый способ втереться в высший свет и выбиться в люди. Как только снимешь фильм, который оценят, как только твое лицо запомнят — это уже будет первый шаг к успеху.

— Точно! Я очень хочу посмотреть фильмы, которые снимет братец! — Ху Тао, убирающая документы сбоку, с ожиданием уставилась на Шэнь Цина. Из-за двери ее позвал пациент, и она поспешила выйти.

Шэнь Цин опешил. Он знал Киноакадемию «Синхэ» — самую известную в городе школу, готовящую актеров. Однако ходили слухи, что в той школе царит мрак: скрытые правила, борьба за связи, подлизывание к знаменитым режиссерам, в прошлом году даже была новость, что школьную красавицу облили кислотой. Каждый раз, слыша такие слухи, он глубоко осознавал, как темно это общество.

— Разве там не полный бардак? — сомневаюсь спросил он.

— Однако там тоже воспитали много настоящих звезд. Тебе нужно думать только о возможности успеха, не заботясь об остальном, — непререкаемо заявил Лян Фэн. — Даже если придется ползти на коленях — пробивайся в хорошую съемочную группу. Иначе я отправлю твоей семье долговую расписку на пятьдесят миллионов.